АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КАЗАРСКІЙ

† 16-го іюня 1833 г.

Александръ Ивановичъ Казарскій, род. 1798 г., умеръ въ 1833 г., въ Николаевѣ,— обезсмертилъ себя въ лѣтописи русскаго флота геройскимъ подвигомъ: 14-го мая 1829 года, командуя на Черномъ морѣ 18-ти пушечнымъ бригомъ „Меркурій", онъ съ поразительнымъ безстрашіемъ и искусствомъ выдержалъ бой съ 110 и 74-хъ пушечными турецкими кораблями, предводимыми лучшими адмиралами непріятельскаго флота. Рѣшившись въ случаѣ гибели взорвать свое судно на воздухъ, доблестный Казарскій и его команда не только отбились отъ непріятеля, осыпавшаго его три часа ядрами и прочими снарядами, но заставили его отступить. Имя Казарскаго прогремѣло по всей Россіи. Императоръ Николай Павловичъ наградилъ Казарскаго и его сподвижниковъ: командиръ „Меркурія" былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта и проч. Въ апрѣлѣ 1831-го года Казарскій былъ уволенъ отъ командованія кораблемъ, и съ того времени состоялъ при Государѣ, исправляя разныя Высочайшія порученія, за которыя, въ томъ же 1831 году, произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Спустя два года, онъ совершенно неожиданно скончался.

Вотъ разсказъ лица, близко знавшаго Казарскаго, о послѣднихъ дняхъ его жизни.

Ред.

Я помню его, такъ разсказывала мнѣ моя матушка, какъ будто теперь вижу его передъ глазами: молодой человѣкъ, невысокаго роста, худенькій, съ темными волосами, пріятнымъ, умнымъ, подвижнымъ лицомъ. Когда бывало пріѣзжалъ онъ къ намъ, то не только я и мужъ были ему рады какъ родному, но и вся прислуга радовалась его пріѣзду. Всѣхъ онъ обласкаетъ, всю прислугу одѣлитъ подарками. Живой говорунъ, острякъ, шутникъ и любезный со всѣми, онъ не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Какъ теперь вижу скорую его походку по комнатѣ, слышу живой, пріятный разговоръ, громкій смѣхъ и неус-

танное истребленіе изюма. Изюмъ былъ любимымъ его лакомствомъ; онъ постоянно носилъ при себѣ пакетикъ съ изюмомъ. Часто подтрунивалъ надо мной, когда приходилось ему обѣдать у насъ въ постный день. Обѣдъ, обыкновенно, подавался изъ постныхъ и скоромныхъ блюдъ: для Алекс. Ив. и мужа скоромное, а для меня постное. И что-же? Бывало непремѣнно оскоромитъ меня,—то ложкой невзначай попробуетъ мой супъ, то потихоньку опуститъ кусочекъ мяса въ мою тарелку, и хохочетъ отъ души, когда я этого не замѣчу и съѣмъ свой супъ. Но все это у него, всѣ его шутки выходили такъ милы, что сердиться никакъ нельзя было; чаще всего я сама бывало расхохочусь, и поднимется у насъ споръ о значеніи постовъ, о загробной жизни, о большихъ крестахъ. Ему не нравилось, кто крестится большимъ крестомъ, безсознательно машетъ рукой до изнеможенія. Этотъ споръ о большомъ крестѣ, помню, былъ у насъ съ нимъ особенно горячій въ послѣдній его пріѣздъ.

Незадолго передъ своей смертью онъ пріѣхалъ къ намъ въ деревню и пробылъ болѣе сутокъ. Въ это время у насъ ловили рыбу и ему вздумалось по пытать „свое счастье", какъ онъ выразился. Сталъ просить мужа приказать забросить неводъ на его счастье. Позвали атамана [1]), онъ самъ обратился къ нему: „Послушай, любезный! 25 р. на водку будетъ отъ меня: забросьте неводъ на мое счастье. Понимаешь, вся пойманная рыба будетъ моя, только когда неводъ начнутъ тянуть, тотчасъ дать мнѣ знать: я хочу самъ видѣть, сколько поймается рыбы". Это было вечеромъ. На другой день, чуть свѣтъ, пришелъ атаманъ съ докладомъ: „Неводъ тянутъ". Мужъ мой велѣлъ подать лошадей и поѣхали на Бугъ. Съ нетерпѣніемъ ждетъ Александръ Ивановичъ на берегу своего счастья, шутитъ, остритъ. Но какого было его, мужа и всѣхъ рыбаковъ изумленіе: вытянули неводъ совершенно пустой, тогда какъ прежде никогда это не бывало. Бугъ изобиловалъ рыбой. Казарскій смутился, долго не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ; рыбаки тоже въ немаломъ смущеніи. Такой случай былъ первый въ ихъ давней практикѣ въ долгіе годы рыбачества. Казарскій, придя въ себя отъ смущенія, скомандовалъ вытряхнуть неводъ, и къ его ногамъ упало около десятка самой мелкой рыбки, которую рыбаки обыкновенно выбрасывали обратно въ воду или оставляли на берегу какъ негодную мелюзгу.

— „Ну, братецъ, обратился Казарскій къ смущенному и огорченному атаману: спасибо за труды; обѣщанные вамъ 25 р. получай на водку, только еще потрудись „мое счастье" (онъ указалъ на рыбку) собрать и принести

---

[1]) Атаманы въ южныхъ губерніяхъ то же, что старосты въ сѣверныхъ губерніяхъ.

во дворъ; хоть плохенькое оно, т. е. мое счастье, но все же и имъ не надо брезгать!“

На обратномъ пути онъ всю дорогу больше молчалъ; видно было, что этотъ случай сильно его встревожилъ.

„Ну, незавидное мое счастье“, помолчавъ, обратился онъ къ моему мужу грустнымъ тономъ. „Не по душѣ мнѣ эта командировка: предчувствія у меня недобрыя, ахъ! недобрыя!“

Мужъ старался его успокоить, но это ему не удавалось.

— „Сегодня я уѣзжаю, помолчавъ немного заговорилъ опять Казарскій, а васъ прошу пріѣхать ко мнѣ въ Николаевъ въ четвергъ: вы мнѣ тамъ много поможете добрымъ дружескимъ совѣтомъ—а въ случаѣ, не дай Богъ чего, я хочу вамъ передать многое“.

Мужъ мой далъ слово быть въ Николаевѣ непремѣнно въ четвергъ. Пріѣхали домой; я ждала ихъ за чаемъ; атаманъ принесъ рыбку. Я, какъ взглянула на нее, долго не хотѣла вѣрить, что это все, и, когда убѣдилась въ правдѣ, чуть не заплакала, такъ мнѣ почему-то стало жаль бѣднаго Казарскаго. По его просьбѣ эту мелюзгу велѣла приготовить къ обѣду. За обѣдомъ онъ угощалъ меня своимъ „счастьемъ“ какъ хозяинъ; старался шутить, быть веселымъ, но это ему не удавалось; то и дѣло подергивались грустью его добрые, живые глаза. Мужъ мой сталъ трунить надъ нимъ, говоря: „Герой славной побѣды, и отъ такого пустаго случая падаетъ духомъ!“ Онъ на это молча улыбнулся, но, какъ говорится, сквозь слезы. Не стало болѣе слышно его пріятнаго, живаго разговора и звонкаго, задушевнаго смѣха! Послѣ обѣда Казарскій тотчасъ сталъ собираться къ отъѣзду въ Николаевъ, куда онъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, для ревизіи. Подали лошадей, онъ сталъ ходить шибко по комнатѣ; я взглянула на него и ужаснулась: его пріятное молодое лицо вдругъ какъ-то измѣнилось, постарѣло, брови сдвинулись, какъ у человѣка, переживающаго страшныя болѣзненныя мученія. Сколько десятковъ лѣтъ прошло, но это страдальческое лицо, какое я видѣла у Казарскаго при его отъѣздѣ въ Николаевъ, такъ и рисуется предо мной. Наконецъ, зазвенѣлъ колокольчикъ, лошади у подъѣзда. Казарскій нервно вздрогнулъ и сталъ прощаться съ нами.

— „Помолитесь обо мнѣ, прошу васъ!“ проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, цѣлуя у меня руку, и при этихъ словахъ я замѣтила, какъ онъ старался сморгнуть слезу съ рѣсницъ.

Увидя слезу героя и любимаго нашего друга, я не выдержала и разрыдалась! Обратившись къ мужу, онъ опять повторилъ свою просьбу—непремѣнно пріѣхать въ четвергъ къ нему. На крыльцѣ простился съ прислугой, которая вся вышла провожать любимаго барина и дорогаго гостя. Еще разъ нервно обнялъ мужа, вскочилъ въ коляску, лошади рванули, колокольчикъ зазвенѣлъ и экипажъ быстро пом-

чался со двора. Мы съ мужемъ долго стояли на крыльцѣ, провожая глазами нашего добраго друга до тѣхъ поръ, пока экипажъ скрылся за деревьями. Когда мы возвратились въ комнаты, намъ стало невыразимо грустно.... Хотя деревня наша была недалеко отъ Николаева, всего 25 верстъ, и черезъ три дня мы опять должны были встрѣтиться, но непонятное чувство тоски защемило мое сердце, точно я разставалась съ Казарскимъ на вѣки. То-же самое испытывалъ и мой мужъ. Тяжелое предчувствіе, которое такъ скоро оправдалось! Въ залѣ на окнѣ я увидѣла свернутый пакетъ съ изюмомъ. Подошла, взглянула и опять заплакала, опять стало невыразимо жаль нашего друга а почему жаль—не могла отдать себѣ отчета! Передъ разсвѣтомъ, помню отлично, въ четвергъ, человѣкъ сильно постучался въ дверь къ мужу. Этотъ необыкновенный стукъ разбудилъ и меня. „Что такое случилось?“ слышу голосъ мужа.

— „Верховой изъ Николаева: баринъ Казарскій умираетъ!“ послышался отвѣтъ за дверью. Не помня себя, я вскочила съ постели и стала наскоро одѣваться. Мужъ крикнулъ закладывать лошадей и, блѣдный какъ смерть, вошелъ въ спальню. „Ты уже знаешь? бѣдный, бѣдный! предчувствія сбылись: уходили негодяи“—пока запрягали лошадей, мы съ мужемъ были готовы и ждали на крыльцѣ.

Всю дорогу лошади мчались въ карьеръ, мы сидѣли молча, не могли промолвить слово,—такъ тяжело было у каждаго на душѣ.

Пріѣзжаемъ и застаемъ такую печальную картину: бѣдный Казарскій лежитъ на диванѣ въ предсмертной агоніи. Я первая подошла къ нему. Онъ открылъ глаза и чуть слышно проговорилъ: „крестите меня“. Я взяла его холодную руку и стала крестить его. Стоявшая здѣсь же знакомая мнѣ дама объяснила, что онъ только чувствуетъ облегченіе, когда его крестятъ; пока могъ, самъ все крестился, а потомъ просилъ ее, чтобы она крестила. „Крестите меня, крестите! мнѣ легче“... Подошелъ мужъ. Казарскій опять открылъ глаза, узналъ мужа и сталъ что-то говорить. Мужъ наклонился къ нему и едва могъ разобрать:

— „Мерзавцы погубили меня“.

Не прошло и получаса, какъ онъ въ страшныхъ судорогахъ испустилъ духъ! Я не переставала его крестить, пока рука его совсѣмъ не остыла. Потомъ сложила его руки, перекрестила своей рукой и, поцѣловавъ его въ лобъ, рыдая вышла изъ комнаты.

Это было 16-го іюня 1833 года.

Къ вечеру собрались на панихиду; я подошла къ покойнику, взглянула на него и невольно отшатнулась, такъ онъ былъ неузнаваемъ! Голова, лицо распухли до невозможности, почернѣли какъ уголь; руки опухли, почернѣли, аксельбанты, эполеты все почернѣло! „Боже мой! что все это значитъ?“ — обратилась я съ вопросомъ къ нѣкоторымъ, стоявшимъ возлѣ.

— „Это такимъ сильнымъ ядомъ угостили несчастнаго“, услышала я въ отвѣтъ.

На слѣдующій день похороны. Помню, когда стали класть его въ гробъ, всѣ волосы упали на подушку. Нельзя было безъ сердечной боли смотрѣть на обезображенный трупъ страдальца. За гробомъ народу шло много, въ томъ числѣ вдовы, сироты, которымъ онъ такъ много помогалъ. Всѣ онѣ, рыдая о своемъ благодѣтелѣ, кричали вслухъ: „убили, погубили нашего благодѣтеля! отравили нашего отца!“ Такъ печально окончилъ свою молодую жизнь доблестный воинъ, герой турецкой войны.

Много было потомъ толковъ о загадочной кончинѣ Казарскаго, вѣроятныхъ и невѣроятныхъ, правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ. Говорили, что когда онъ пріѣхалъ въ Николаевъ, то остановился у одной нѣмки, которая имѣла чистенькія комнатки для пріѣзжихъ. Гостинницъ тогда еще не было въ Николаевѣ. Когда случалось ей подавать обѣдъ или ужинъ, онъ всегда просилъ ее самую попробовать каждое блюдо и тогда уже рѣшался ѣсть. Казарскій былъ предупрежденъ раньше, что посягаютъ на его жизнь; оно и понятно: молодой капитанъ 1-го ранга, флигель-адъютантъ былъ назначенъ ревизовать, а во флотѣ были тогда страшные безпорядки и злоупотребленія. Дѣлая по пріѣздѣ визиты, кому слѣдуетъ, Казарскій нигдѣ ничего не ѣлъ и не пилъ, но въ одномъ генеральскомъ домѣ дочь хозяина поднесла ему чашку кофе. Казарскій, рыцарски любезный съ дамами, не въ состояніи былъ отказать красавицѣ и принялъ отъ нея чашку; въ пріятномъ разговорѣ онъ не замѣтно, выпилъ весь кофе и черезъ нѣсколько минутъ почувствовалъ дурноту. Пріѣхавъ домой, Александръ Ивановичъ послалъ тотчасъ за докторомъ, но, какъ была молва, и докторъ оказался въ заговорѣ. Вмѣсто того, чтобы дать сейчасъ противоядіе, тѣмъ болѣе, что самъ больной кричалъ: „докторъ, спасайте: я отравленъ!“, эскулапъ посадилъ больнаго въ горячую ванну. Изъ ванны его вынули уже полумертвымъ. Были доносы, что Казарскаго отравили, но тогда сообщеніе съ Петербургомъ было трудное и долгое; лишь черезъ шесть мѣсяцевъ прибыла въ Николаевъ слѣдственная коммисія; отрыли трупъ, вынули внутренности и говорили, что взяли ихъ въ Петербургъ—тѣмъ дѣло, кажется, и кончилось.

Помню предчувствіе старушки матери Казарскаго, когда въ 1829 году Казарскій прославился своимъ геройствомъ въ турецкую кампанію. Служа въ черноморскомъ флотѣ, ему на бригѣ „Меркурій“ удалось выдержать упорный бой и проскользнуть между двухъ огромныхъ турецкихъ кораблей. Этимъ славнымъ подвигомъ онъ спасъ себя и весь экипажъ брига, которымъ командовалъ.

Сосѣди и знакомые, узнавъ объ этомъ, пріѣхали поздравить старушку Казарскую. Принимая поздравленія, она горько плакала.

„О чемъ-же вы плачете? Вашъ сынъ прославился и осыпанъ царскими милостями: вы должны радоваться, а не плакать. Онъ теперь близко стоитъ

къ царю".—„То-то меня и не радуетъ: близко царю, близко къ смерти", отвѣчалъ старушка со вздохомъ. „Правда ваша, надо бы радоваться и благодарить Бога, но почему-то не могу радоваться, а больше хочется плакать. Чуетъ мое сердце что-то недоброе, а что—и сама не знаю. Какъ только услыхала я о славномъ подвигѣ моего сына, не радостью забилось мое сердце, а горькою печалью, и стала я тосковать и бояться за него". И старушка, говоря это, опять заплакала.

Предчувствіе материнскаго сердца о скорой потерѣ любимаго сына сказывалось въ невольныхъ слезахъ, въ ея глубокой скорби.

Александръ Ивановичъ Казарскій скончался 35 лѣтъ отъ роду.

Елизавета Фаренникова.

Измаилъ. 1885 г.